

Турундаевская-Лашко Ольга Игоревна,
учитель английского языка МБОУ «Подюжская СШ им. В.А. Абрамова»

Внеклассное мероприятие в 9 классе на английском языке, посвященное творчеству С.А.Есенина “His only love – the birch-print countryside”.

Цели:

Образовательные:

ознакомить учащихся со стихами Сергея Есенина в английском и русском вариантах;

расширить лингвистический кругозор учащихся;

углубить знания творчества и биографии Сергея Есенина.

Воспитательные:

воспитывать у учащихся эстетический вкус;

поддерживать у учащихся интерес к изучению предмета английский язык;

поддерживать у учащихся интерес к изучению культуры страны родного языка;

формировать толерантность и уважение к представителям других народов и культур.

Развивающие:

совершенствовать общеучебные умения и навыки,

формировать фонематический слух и произносительные навыки,

развивать навыки монологической речи;

развивать навыки выразительного чтения;

развивать творческие способности учащихся;

развивать память и внимание;

совершенствовать навык выступления перед аудиторией

развить мотивацию к изучению английского языка.

Оборудование сцены: портрет С.А. Есенина.

При проведении мероприятия используется музыкальное сопровождение (музыка, написанная на стихи поэта).

Ведущий: Today we shall speak about our great poet Sergey Yesenin. He was Russian not only because he was born in this country but he had a really Russian soul.

Я буду воспевать

Всем существом в поэте

Шестую часть земли

С названьем кратким «Русь».

I still shall laud

With all my poet's power

This one-sixth of the world

Which «Russia» we call.

Ведущий: “I was born in the village of Konstantinovo, Ryazan Region, on October 21st, 1895.

At the age of two I was sent to be raised in a well off family of my grandfather on my mother's side. My uncles were mischievous and daring. They treat me in rather

severe ways. They and my granddad thought I would grow firm and strong that way.”

Ведущий: “I was good at climbing trees. Among the boys in the neighbourhood I was known as a horse breeder and a big fighter, for I would always have scratches on my face. Grandmother loved me devoutly, and her tenderness was boundless. I started writing poems at an early age, maybe at the age of nine or so. That was the way my childhood went on.”

Ученик 1:
ЗВЕЗДЫ

Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе, что
скрываете?
Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?

Частые звездочки, звездочки
тесные!
Что в вас прекрасного, что в вас
могучего?
Чем увлекаете, звезды небесные,
Силу великую знания жгучего?

И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятия широкие?
Смотрите нежно так, сердце
ласкаете,
Звезды небесные, звезды далекие!

THE STARS

Stars little stars, you're so high and so
clear!

What have you got in you, so
fascinating?

Stars, deep in thought, so discreet you
appear,

What is the power that makes you so
tempting?

Stars, little stars, you're so dense and
so solid!

What is it that makes you so great and
alluring?

How can you, heavenly bodies, afford
it:

Stirring a thirst and desire for
learning?

Why, as you shine, are you nice and
inviting

Into your wide open arms, on the
instant?

Pleasing the heart, so benign and
enticing,

Heavenly stars, so remote and so
distant!

Ведущий: “When I was eighteen I sent my poems to various magazines and I was surprised at the fact that they refused to publish them, so I went to Saint Petersburg. I was given a warm welcome there. The first man I saw was Blok.”

Ученик 2:

БЕРЕЗА

Белая берёза

Под моим окном

Принакрылась снегом,

Точно серебром.

На пушистых ветках

Снежною каймой

Распустились кисти

Белой бахромой.

И стоит берёза

В сонной тишине,

И горят снежинки

В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

THE BIRCH-TREE
Just below my window
Stands a birch-tree white,
Under snow in winter
Gleaming silver bright
On the fluffy branches

Sparkling in a row
Dangle pretty tassels
Of the purest snow.
There the birch in silence
Slumbers all day long
And the snow gleams brightly
In the golden sun.
And the dawn demurely
Going on its rounds
With a silver mantle
Decks again the boughs.

Ведущий: “At around this time I entered Shanyavsky University where I spent a year and a half. At the University I got acquainted with poets. And then I went back to my village.”

Ученик 3:

* **

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, златое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

Ведущий: “During the revolution I was on the side of the October, but I accepted it in my own peasantry way. As for the rest of my personal data they are in my poems.”

Ученик 4:

* * *

* **

There's the silly elation,
The garden the windows look on!
Soundless sunset reflection
Swims in the pool, like a swan.

Greetings, golden serenity,
Shadows of trees, black as tar!
Crows on the roof, in sincerity,
Hold vespers in praise of the star.

Timidly, over the garden
Where the guelder-rose springs,
A girl in a snow-white garment
A beautiful melody sings.

Like a blue gown, the evening
Cold from the meadow sweeps...
Happiness, sweet silly feeling!
Virginal blush of the cheeks!

Нивы сжаты, рощи голы,

От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.
Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.
Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребёнком
Запрягался в наши сани.

* * *

Geared the cornfield, bare the boughs
are,
From still waters mist is rolling,
Like a wheel beyond the mountains
Has the silent sun gone bowling.
Dozing is the cart track yonder.
In a daydream it is thinking
One won't have to wait much longer
For the coming of grey winter.
Yesterday as mist came creeping
Did not I see in the darkness
Like a foal the bay moon leaping
Into our snow sledge's harness?

Ведущий: In autumn 1921 Sergey Yesenin met a famous French dancer Isadora Duncan. She taught Russian children to dance. In 1922 Yesenin and Duncan married and went abroad, stopping in Germany, France, Austria, and the United States.

Ученик 5:

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

I left my father's home,
Blue Russia too. Like three
Bright stars the small birch grove
Consoles my mother's grief.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

The moon, spread like a frog,
Has on the pond appeared.
Like apple blossom, locks
Of grey fleck father's beard.
Long shall you wait for me,
And many a blizzard blow!
Let the old maple be
On one-legged sentry-go.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережёт голубую Русь
Старый клён на одной ноге.

To kiss its rain of leaves
Is joy, and none so fine —
The head of the maple-tree
So closely resembles mine.

И я знаю, есть радость в нём
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клён
Головой на меня похож.

Ведущий: He didn't know any foreign language and was not going to study. Yesenin told his friends he was afraid to spoil his native language. In his letter to A. Mariengof he wrote: «...Никак не желаю говорить на этом проклятом аглицком языке. Кроме русского, никакого другого не признаю, и держу себя

так, что ежели кому-нибудь любопытно со мной говорить, то пусть учиться по-русски».

Ведущий: He couldn't live without his Motherland. Europe and America surprised him and disappointed. In his sketch «Iron Myrgorod» Yesenin wrote: «Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненадобностью в аренду под смердяковщину». He returned in Russia very tired and lonely.

Ученик б:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире
странник -
Пройдет, зайдет и вновь покинет
дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым
прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветром в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не
жаль.

Не жаль мне лет, растрченных
напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины
красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный
ком...

Скажите так... что роща золотая

Отговорила милым языком.

The grove of golden trees has fallen
silent,
Shorn of its gay leaves, in mute
silhouette,
And so the cranes in sad file past it
flying
Have no cause any more to feel regret.

For whom, for what? We are all
rovers, starting
Out, coming home awhile, then
traveling on.
The hemp field's dreaming of all who
departed
And there's a full moon gazing at the
pond.

I stand alone, the bare expanses
viewing,
While on the wind the cranes are
borne away.
Remembrance of my merry youth
pursuing,
I find nothing I would relive today.

I don't regret the years that I have
wasted,
I don't regret the lilac time of life.
A rowan fire is in the orchard blazing
But none shall from its brightness
warmth derive.

Red rowan-berry clusters cannot
scorch you,
The grasses will no yellow and
decline.
As leaves fall softly from a tree in
autumn
So I let fall these mournful words of
mine.

And if time with its breezy broom
should pile them
Into a heap to burn without regret...
Just say this ... that the golden grove
fell silent,
Shorn of its leaves, in pensive
silhouette.

Ведущий: Yesenin died on the night of December 27, 1925 in Leningrad. Shortly before his death, when he was at hospital he wrote these words:

Ученик 7:

Клён ты мой опавший, клён
заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под
метелью белой.
Или что увидел, или что услышал,
Словно за деревню погулять ты
вышел.
И как пьяный сторож, выйдя на
дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил
ногу.
Ах, и сам я нынче что-то стал
нестойкий,
Не дойду до дому с дружеской
попойки.
Там он встретил вербу, там сосну
приметил,
Напевал им песни под метель о
лете.
Сам себе казался я таким же
клёном,
Только не опавшим, а всюю
зелёным.
И утратив скромность, одуревши в
доску,
Как жену чужую обнимал березку.
Как жену чужую обнимал березку.

Maple bare of foliage, freezing in the
snowstorm,
Why are you bent over as the wind is
blowing?
Have you witnessed something?
Have you heard some tidings?
It's as if beyond the village you've
gone striding.
Like a drunken watchman, straying
off the roadway,
In a drift you tumbled, now your leg
is frozen.
I too am unsteady on my feet, I'm
thinking,
And I can't get home when I have
been out drinking.
Here I met a willow, there a pine I
greeted,
To a song of summer both of them I
treated.
I'd a feeling I too was a maple like
you,
Not bare and bald one, but bright
green and thriving.
By both common sense and modesty
deserted,
In a lustful freeze I embraced a birch-
tree.

Ведущий: Yesenin's poems were translated into many languages. His poetry's music is exciting. Russia was his only love and passion.

Ученик 8:

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь
дым.

Увядаю золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна берёзового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! Ты всё реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась
мне?

Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире
тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев
медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

No regret I feel, no pain, no sorrow,

Blossom blows away, a song is sung.
Overcome by autumn gold, tomorrow
I myself shall be no longer young.

You'll not throb, heart, as before, but
tremble,
Feeling chills that you have not yet
known.
In bare feet you shall no more be
tempted
Through the birch-print countryside to
roam.

Roving spirit, ever now less often
Do you rouse a flame upon my lips.
Freshness I have lost, keen looks
forgotten,
Feelings running at full flood I miss.

I'm austerer now in my desiring.
Life, were you real, or of fancy born?
It's as if in spring I've been out riding
On a pink horse in the vibrant dawn.

In this world of ours we all are mortal,
Copper leaves from maples gently
slide...
Ever blest was I to be accorded
Time for blossoming before I died.

Источники информации:

1. <http://www.museum-esenin.ru/publish/1282>
2. <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2008/223-literatura-falklor/6143-voploschenie-temyi-rodiny.html>
3. http://sergey-esenin-in-english.com/lu.com/more_11.html
4. <http://esenin.ru/o-esenine/ego-zhizn/makvei-g-esenin-v-amerike>
5. http://samlib.ru/w/wagapow_a/yesen.shtml
6. <http://esenin.ru/fonoteka/stikhi-s-esenina-chitaet/s-esenin-na-angliiskom-iazyke>
7. http://en.wikipedia.org/wiki/Sergei_Yesenin